

FTAHP/MPHTI / IRSTI 03.01.09

ӨӘЖ/УДК/ UDC 930(091)

<https://www.doi.org/10.51889/2959-6017.2025.84.1.031>

Асанова Д. *

Казахский Национальный педагогический университет имени Абая, PhD докторант кафедры истории Казахстана имени академика Т.С. Садыкова. E-mail: dassanova@gmail.com

ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ ОТ ЖЕН ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД РЕПРЕССИЙ 1929-1932 гг.

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию женских писем-обращений к властям, выявленных в архивно-следственных делах. Эти тексты позволяют проанализировать повседневную жизнь женщин в период следственных процессов их мужей. Особое внимание уделено письмам жён представителей казахской интеллигенции, репрессированных в конце 1920-х гг., что позволяет глубже понять уникальные аспекты социальных и культурных процессов того времени.

Культура писем в Советском Союзе была многофункциональным явлением, соединяющим личное и общественное пространство. Эти письма-обращения не только отражают индивидуальные истории, но и раскрывают широкий контекст репрессий, включая динамику эмоций, ожидания, надежды и разочарования, которые сопровождали жизнь женщин в условиях политических гонений. Письма женщин в период репрессий отражали их борьбу за справедливость, права семьи и детей в условиях репрессий.

Женские письма во власть предоставляют уникальную возможность для изучения повседневной жизни, экономических трудностей, а также личных эмоций. Запечатлённые в этих текстах переживания превращают их в ценный исторический источник, позволяющий реконструировать женский опыт репрессий в условиях давления советской системы в более полной мере.

Ключевые слова: репрессии, женская история, женский опыт, переписка, эпистолярный.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации Программы целевого финансирования Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант ИРН BR18574180 «История и творческое наследие Алашской интеллектуальной элиты конца XIX-первой половины XX вв.»)

Д. Асанова *

Абай атындағы Қазақ Ұлттық Педагогикалық Университет, Академик Т.С. Садықов атындағы Қазақстан тарихы кафедрасының докторанты.

E-mail: dassanova@gmail.com

1929-1932 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚУҒЫН-СҮРГІН КЕЗІНДЕ ҚАЗАҚ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯСЫ ӨКІЛДЕРІНІҢ ЖҰБАЙЛАРЫНЫҢ БИЛІККЕ ЖАЗҒАН ХАТТАРЫ

Аңдатпа

Бұл мақала архивтік-тергеу істерінен анықталған әйелдердің билікке жазған хаттарын зерттеуге арналған. Бұл мәтіндер әйелдердің күнделікті өмірін, олардың күйеулеріне қатысты тергеу процестері кезеңінде, талдауға мүмкіндік береді. Ерекше назар 1920 жылдардың соңында қуғын-сүргінге ұшыраған қазақ зиялыларының жұбайлары билікке жазған хаттарға аударылады.

Бұл сол кезеңдегі әлеуметтік және мәдени үдерістердің ерекше қырларын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Кеңес Одағындағы хат жазу мәдениеті жеке және қоғамдық кеңістікті біріктірген көпқырлы құбылыс болды. Мұндай хаттар жеке оқиғаларды ғана емес, репрессиялар аясындағы эмоциялар динамикасын, үміттер мен күткендіктерді, сондай-ақ саяси қысым жағдайындағы әйелдердің өмірін қоса алғанда, кең контекстті де ашады. Қуғын-сүргін кезеңіндегі әйелдердің билікке жазған хаттары әділеттілік, отбасы және балалардың құқықтары үшін күресті бейнеледі.

Әйелдердің билікке жазған хаттары күнделікті өмірді, экономикалық қиындықтарды, сондай-ақ жеке эмоцияларды зерттеуге ерекше мүмкіндік береді. Бұл хаттарда көрініс тапқан сезімдер оларды әйелдердің қуғын-сүргін кезеңіндегі тәжірибесін кеңес жүйесінің қысымы жағдайында толығырақ қайта құруға мүмкіндік беретін құнды тарихи дереккөзіне айналдырады. Сонымен қатар, бұл хаттар сол заманның әлеуметтік құрылымын сипаттайды.

Кілт сөздер: қуғын-сүргін, әйел тарихы, әйелдер тәжірибесі, хат алмасу, эпистолярлық жазбалар.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасын іске асыру шеңберінде дайындалды ("XIX ғасырдың аяғы - XX ғасырдың бірінші жартысындағы Алаш зияткерлік элитасының тарихы мен шығармашылық мұрасы" грант ИРН BR18574180).

Assanova D. *

Kazakh National Pedagogical University named after Abai, PhD candidate at the department of history of Kazakhstan named after academician T.S. Sadykov. E-mail: dassanova@gmail.com

LETTERS TO THE AUTHORITIES FROM WIVES OF KAZAKH INTELLIGENTSIA REPRESENTATIVES DURING THE REPRESSIONS OF 1929–1932

Abstract

This article is dedicated to the study of women's letters addressed to the authorities, discovered in archival investigation files. These texts provide an opportunity to analyze the daily lives of women during the investigative processes involving their husbands. Special attention is given to the letters of the wives of Kazakh intelligentsia representatives who were repressed in the late 1920s, allowing for a deeper understanding of the unique aspects of the social and cultural processes of that time.

The culture of letter writing in the USSR was a multifaceted phenomenon that combined personal and public spheres. These letters not only reflect individual stories but also reveal the broader context of repression, including the dynamics of emotions, expectations, hopes, and disappointments that accompanied women's lives under political persecution. Women's letters during the repression period illustrated their struggle for justice, family rights, and the well-being of their children in the face of oppression.

Women's letters to the authorities provide a unique opportunity to study daily life, economic hardships, and personal emotions. The experiences captured in these texts make them a valuable historical source, enabling a more comprehensive reconstruction of women's experiences during the repressions under the pressure of the Soviet system.

Keywords: repressions, women's history, women's experience, correspondence, epistolary writing.

Acknowledgement: The article was prepared as part of the implementation of the Program of targeted funding by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN BR18574180 "History and creative heritage of the Alash intellectual elite of the late XIX-first half of XX")

Введение. Репрессии в отношении казахской интеллигенции, связанные с её участием в движении «Алаш», стали одной из самых трагических страниц истории Казахстана XX века. Начавшись с конфискации имущества и высылки крупных баев в 1928 году, они быстро

приобрели массовый характер, охватывая как представителей партии «Алаш», так и их ближайшее окружение. Постановление КазЦИКа от 27 августа 1928 года стало отправной точкой для развертывания этой репрессивной политики. Удар по казахской интеллигенции был нанесён сразу в нескольких направлениях – через судебные процессы, аресты и изоляцию ключевых фигур, что привело к разрушению их личных и профессиональных связей. Кульминацией репрессий стало «Дело казахских националистов», которое охватило широкий круг лиц, связанных с алашординцами – политиков, учёных, творческую интеллигенцию и даже их семьи.

Коллективизация, раскулачивание привели к тому что тысячи людей пытались добиться справедливости от властей подняли волну обращений высшему руководству страны. Размах таких персонифицированных обращений позволяет оценить статистика, которую вел секретариат М. И. Калинина: если в 1925 г. Калинин получил около 50 тыс. писем-ходатайств, то в 1928 г. эта цифра составила уже более 100 тыс. В годы сплошной коллективизации и раскулачивания число личных обращений к «всесоюзному старосте» существенно возросло: в 1933 г. секретариат председателя ЦИК СССР получил 228 тыс. писем [1, с. 48, 169]. На имя Сталина же с января 1931 г. по июль пришло около 13 тыс. писем [2, с. 330]. В своем исследовании писем на имя Сталина историк Олег Хлевнюк экстраполировал это число на весь 1931 г., и общее количество писем достигло 20 тысяч. Он объясняет такое небольшое количество корреспонденции отражением «публичного восприятия Сталина, который уже был лидером, но все еще не воспринимался ‘ответственным за людей’» [2, с. 331]. Какая-то часть этих писем была и от представительниц казахской интеллигенции.

Культура писем в Советском Союзе играла важную роль в формировании коммуникации между гражданами и государством, а также в поддержании общественных и личных связей. Письма во власть были одним из официально признанных каналов обратной связи с властью. Люди могли писать обращения, жалобы, ходатайства или доносы, что позволяло руководству получать информацию «снизу».

Письма во власть выполняли различные функции в разные исторические периоды. Написание писем активно стимулировалось системой. Коллективные письма организовывались учителями школы и высших учебных заведений. Образцы писем публиковались в газетах и писать во власть со временем стало коллективной практикой советского общества. В мирное время граждане использовали письма для выражения благодарности лидерам, поддержки партийных инициатив или для сообщения о нарушениях на рабочих местах. В период репрессий к ним добавились письма другого характера: осуждение врагов народа, доносы о коррупции или «антисоветской» деятельности, обращения за помощью в трудных жизненных ситуациях или защитой прав. Особенно это касалось женщин, чьи письма часто отражали их борьбу за справедливость, права семьи и детей в условиях репрессий.

Материалы и методы. Некоторые группы писем советских граждан во власть в 1920-х и 1930-х гг. изучены исследователями. Олег Хлевнюк исследовал письма Сталину и в своей статье пытается ответить на три следующие вопроса. Во-первых, какие методы использовали советские власти для обработки писем граждан? Во-вторых, в какой степени письма граждан были важным источником информации для советских лидеров? В-третьих, как советские руководители реагировали на сигналы «снизу», и какую роль играли «письма во власть» в политической и повседневной административной практике? [2].

Андрей Савин в своей работе стремился выяснить, какую роль письма во власть сыграли в процессе адаптации населения к коммунистической власти в 1930-е гг. В своей статье он проанализировал основные типы обращений (жалобы, ходатайства, рапорты, «инициативные» письма, доносы), а также выявил специфические особенности социальной практики коммуникации общества и власти в это время. В качестве рабочей гипотезы автор руководствовался предположением о том, что письма во власть являлись неотъемлемым элементом выстраивания системы патронажа и клиентелы в условиях социальных катаклизмов 1930-х гг. и дефицита демократических институтов [3].

Исследованы письма представителей молодого поколения, адресованные органам власти, в которых отражены личные кризисы, идеологические сомнения и просьбы о справедливости [4].

Письма-петиции, доносы, жалобы исследовались Шейлой Фитцпатрик и дали возможность выявить сложную комплексную диалектику между центральной властью и независимыми социальными акторами [5], [6], [7], [8].

В своем исследовании доносов Франсуа-Ксавье Нерар пытается понять, какое место в советском сталинском обществе занимал феномен доносов и разоблачений и какова была роль семейных и родственных отношений в подобной практике [1].

Несмотря на имеющиеся исследования, письма как средство коммуникации между советской властью и народом до сих пор остается малоизученной темой [2, с. 327]. Отметим, что отдельно женские письма во власть в период 1920-х и 1930-х гг. в исследованиях не рассматривались. Изучение переписки с использованием гендерной оптики позволит не только дополнить женскую историю этого периода, но и выявить мотивы и обоснования заявителей, проследить за их эмоциями, политическими настроениями и экономическими условиями.

В данном исследовании нами были рассмотрены письма, относящиеся к репрессивным мерам по отношению к мужским представителям казахской интеллигенции в период конца 1920-х гг., заявителями которых были женщины. А также письма, написанные мужьями и имеющие непосредственное отношение к их женам. Рассматриваемые нами письма во власть в виде жалоб, ходатайств, «инициативных» писем и заявлений были выявлены в документах и материалах следственных дел ОГПУ-НКВД. Большая часть этих документов были введены в научный оборот в течение последних 3-5 лет, и их предстоит еще изучить, систематизировать и классифицировать, чтобы выявить определенные закономерности, касательно репрессивных механизмов каждой волны репрессий в Казахстане.

Дискуссия. Письма во власть в виде жалоб, ходатайств, «инициативных» писем и заявлений были основой социальной практики коммуникации общества и власти в это время. Утрата кормильцев, конфискация имущества, невозможность восстановления доброго имени создавали невыносимые условия для жён и детей репрессированных. В этих обстоятельствах письма жен представителей интеллигенции к органам власти стали не только формой борьбы за спасение своих близких, но и источником информации о масштабе человеческих трагедий того времени.

Такие письма можно разделить на две группы: «ранние» (написанные сразу после арестов) и «поздние» (написанные во время или после заключения, ссылки). В «ранних» письмах жены через письма пытались добиться справедливости и убедить органы власти в том, что их мужья не виноваты. Что касается «поздних» писем, они в большей части касались реабилитации или возврата конфискованного имущества.

Результаты исследования. Через несколько месяцев после задержаний, к апрелю 1929 г. начали поступать заявления от жён арестованных, ходатайствующие об освобождении из-под ареста супругов. К примеру, выявлено заявление Шырынгүль Кулмуратовой от 26 апреля 1929 г. начальнику ГПУ по Кзыл-Ординской области об освобождении из-под ареста супруга Кулмуратова Тажибая, в котором она писала: «Прошу в настоящая ат Вашего респрыжения в том, что у меня муж аресть в вашем рукак. У нас жывой только 2а. Муж и сама. Аресть муж! Мне жыт очен скушна, и корметця негде. Прошу от вашаго респрыжение. Что осводит моего мужа. Прошу не отказат». На основании орфографических особенностей, очевидно, что письмо было написано собственноручно Шырынгүль Кулмуратовой [9, с. 379].

Заявление было написано через 5 дней после повторного ареста Тажибая Кулмуратова и привлечения его в качестве обвиняемого по ст. 128 и 147 УК. Ранее он уже был обвинен по ст. 113 УК и отбыл наказание в течение 3 лет и 4 месяцев [9, с. 375].

Похожее по содержанию письмо от 15 июня 1929 г. на имя Ф. Голощекина было написано супругой Жусупбека Аймауытова, Евгенией Аймауытовой. Она писала: «Товарищ Голощекин! Обращаюсь к Вам как к единственному человеку, который может оказать мне содействие. Я

слышала от многих, что только Вы в моем деле сможете помочь. Дело вот в чем. 14 мая этого года моего мужа, Жусупбека Аймауытова, арестовали агенты ГПУ, судя по статьям, которые ему предъявили в обвинение (как сказал мне следователь Полпредства ОГПУ Восточного отдела, за которым числится мой муж, Саенко), политического характера – это преступление. Я знаю, что это какая-нибудь ошибка, т.к. политикой мой муж никогда не занимался. Он занимался литературным трудом, писал книги, как пособия по просвещению, так и беллетристике. Он служил в центральном комитете нового Казакского алфавита, принимал деятельное участие по проведению в жизнь латинизации, давал на страницах газет уроки казакского языка для европейцев. Кроме того, он преподавал в Казинпросе, так что заниматься политикой у него не было времени. Я убедительно прошу Вас вмешаться в это дело, ускорить следствие и, если возможно, до конца следствия под подписку освободить его, скрываться он никуда не будет, т.к. он знает, что он не виновен, но ведь обидно, совершенно невинному человеку сидеть, как преступнику. Если бы его здоровье не внушало мне опасение, у меня бы хватило сил молчать и надеяться на правосудие, но он только перенес грипп с осложнением воспаления легких, в результате чего попал на учет в туберкулезный диспансер. Я сама туберкулезная, и я знаю по себе, что нравственное переживание и недостаток воздуха и света с каждым часом уносят жизни, а он по своему возрасту, знанию и способности может немало принести пользы для казакского пролетариата. Еще раз прошу и вполне надеюсь, что Вы отзоветесь на мою просьбу и поможете мне, с одной стороны, как самое влиятельное лицо в Казакстане, а с другой – как человеку, понимающему чужое горе, вмешаетесь в это дело, освободите моего мужа. Я сама лично хотела с Вами переговорить, чтобы выяснить положение, т.к. всего на бумаге не изложишь, но приехать мне не позволяет здоровье, я болею туберкулезом, кроме того, у меня на руках 3-е детей. Еще раз убедительно прошу Вас разобраться в этой большой ошибке, которая причиняет столько страданий как ему, так и всей его семье неизвестно за что. Остаюсь с надеждой на Вашу отзывчивость» [9, с. 547-548].

Написано письмо спустя 45 дней после ареста Жусупбека Аймауытова, согласно ордера ПП ОГПУ по КАССР на производство обыска и ареста Жусупбека Аймауытова от 3 мая 1929 г. [9, с. 539]. Аймауытова обвинили в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-7, 58-11, 59-3 УК спустя 17 дней – 20 мая 1929 г. [9, с. 542].

Супруга Жакипа Акпаева, Гульбахор (Гульбагар) Бекметова также писала заявление, в котором содержалось ходатайство об освобождении Акпаева из-под стражи. Письмо относится к 1931 г., почти спустя год после задержания Жакипа Акпаева. В 1932 г. «контрреволюционная деятельность Акпаева была доказана, вследствие чего постановлением Тройки ПП по делу об этой группе националистов, утвержденным коллегией ОГПУ, он выслан на 5 лет в ЦЧО и спецконвоем направлен в мае 1932 г. в г. Воронеж» [10, с. 232].

Такое же заявление от 5 мая 1932 г. было написано Сарой Мунайтбасовой. В нем она писала: «Мой муж Мунайтбасов Абдрахман арестован в прошлом году 28 марта ГПУ по обвинению его в числе казанской интеллигенции. Дело его более года тянется в следственных органах ГПУ и до этого времени нет никакого результата. Я глубоко убеждена в том, что он совершенно не виновен. Приписываемое ему обвинение основано исключительно на предположении и заключении следственного органа по одному тому, что мой муж по командировке советской же властью в 1922 г. поехал учиться за границу и вернулся оттуда в 1924 г. С того времени работал в госорганах, отдавая всю силу и энергию на выполнение порученного по долгу службы дела. Безусловно, объективный анализ следственного материала по производству приписываемого ему обвинения без местной тенденции вообще убедит Вас, что мой муж не может быть антисоветским элементом по социальному положению и воспитанию, т.к. он дитя советской власти, в полном смысле этого слова. Теперь только ему 30 лет, аналогично с 16 лет непрерывно учился и служил, за исключением 1,5-годового пребывания за границей, как указано выше, по командировке советской же властью. Помимо того, что он более года томится в заключении, терпя всевозможные нужды и лишения, я также, в свою очередь, с 2 малолетними детьми 3-5 лет, совершенно выбилась из сил,

не имея ни средств, ни денег, с одной стороны, на поддержание мужа, а с другой – себя с малолетними детьми. До сего времени все, что имела, продала. Дальнейшее мое существование с 2 детьми ставит меня на краю гибели, т.к. с ними никуда не могу устроиться и не на кого мне надеяться и их оставлять; равно не имею определенной квартиры и нельзя ее иметь в моем теперешнем положении. На основании вышеизложенного прошу Вас войти в положение почти беспризорных детей и моей малограмотной казачки и сделать распоряжение об освобождении моего мужа из-под стражи, ибо пребывание его более года под следствием в неопределенном положении, безусловно, тяжелее многих лет срочного заключения или ссылки» [10, с. 464].

Некоторые жены, даже спустя полгода после ареста мужей, оставались в неведении об их местонахождении. В этих случаях письма во власть зачастую использовались в качестве инструмента для поиска местонахождения и судьбы их мужей. Одно из таких писем от жены Динмухамеда Адилева Азизы Мукушевой было получено ПП ОГПУ по КАССР. В нем она писала: «[Прошу] вас дать адрес, где находится мой муж Адилев, т.к. от него нет [известия с] октября 1929 г., а поэтому [...] просьба [к] вам сообщить его адрес нахождения. Мой адрес: г.Аулие Ата, махалы Киркимбай, дом № 13. Азиза Мукушова [9, с. 901].

В неведении были и те жёны, мужья которых умерли во время нахождения под стражей. Изначальный список обвинения на 43 человека от 12 марта 1930 г. включал в себя Дюзена Туйгумбекова и Накипа Тлеулина, дела которых были прекращены в результате их смерти в Бутырской тюрьме [9, с. 857]. Жена Дюзена Туйгумбекова, Ханафия Туйгунбекова, в своем заявлении в Центральное политическое управление ОГПУ СССР от 10 июля 1930 г. писала: «В прошлый 1928-1929 гг. мой муж, Дузен Туйгунбеков, по политической линии Кустанайского ОГПУ был послан в Москву. Находясь в Московской тюрьме, он сильно заболел и был отправлен в больницу. С тех пор о нем нет ни слуха, ни извести и письма. Может быть, он умер или жив, я прошу вас сообщить, мне жив он или нет? В случае его смерти [нет необходимости] посылать одежду и постельные принадлежности и деньги, если они есть. Адрес тюрьмы, в которой он жил Москве: Бутырская тюрьма, камера № 68, коридор 15. Наш адрес: Кустанай (Казакстан), Наурзумский р-н, аул № 8. Жду ответ. К сему Ханафия Туйгунбекова» [9, с. 908]. В ответ на заявление Ханафии Туйгунбековой пришел ответ о том, что «ее муж Туйгунбеков Дузен умер в больнице 27 февраля 1930 г.» [9, с. 909].

Даже после 1960-х гг. некоторые жёны продолжали писать письма, в этот период они касались вопросов реабилитации. В 1963 г. супруга Жусупбека Айтмауытова, Жукен Аймаутова (адрес проживания: г. Караганда, Кировский р-н, ул. Ленская, д. 7, кв. 1.) в своем заявлении председателю КГБ при СМ КазССР о предоставлении информации о Жусупбеке Аймаутове от 12 мая 1963 г. просила «проверить по архивным данным и выслать мне документы о его реабилитации» [10, с. 725].

Первый этап реабилитации продолжался с 1953 по 1967 гг., второй этап – с 1987 по 1991 гг. Однако даже после этого второе и третье поколение репрессированных продолжали обращаться в органы власти с просьбой предоставить дополнительные сведения и ответы, на которые никто не мог или не хотел ответить за все эти десятилетия.

Письма во власть после 1987 г. касательно реабилитации репрессированных также рассматривается нами как исторический источник, содержащий дополнительные детали женского опыта репрессий. Более того, поскольку инициаторами и авторами большинства этих писем были женщины, они предоставляют возможность проследить переданный первым поколением и приобретенный последующими поколениями опыт репрессированных семей. Вопросы, направленные в органы власти, выводят нас на откровенный и эмоциональный слой, так как опыт, пережитый женщинами в репрессированных семьях, часто воспринимается ими более эмоционально.

6 февраля 1989 г. дочь Ахмета Байтурсынова, Шолпан Байсалова обратилась к председателю КГБ КазССР т. Князеву о предоставлении информации об отце. В своем заявлении она просила: 1) ознакомиться со следственными делами, мотивом обвинения, «за что его через два месяца расстреляли и где его прах лежит», так как была уверена что это все есть в деле хранившемся в

КГБ; 2) получить справку о его смерти; 3) возвратить конфискованные личные вещи, книги, энциклопедии [10, с. 739]. В ответ на ее письмо 13 марта 1989 г. была выдана справка КГБ КазССР о результатах рассмотрения заявления Ш. А. Байсаловой в которой приведены все обвинительные приговоры и меры пресечения, дополнения к ним (4 апреля 1930 г., 13 января 1931 г., 4 июля 1933 г., 25 ноября 1937 г., 8 декабря 1937 г.). Касательно изъятого имущества (записные книжки, книги, паспорт, личная переписка) сообщили о том, что оно уничтожено. Также проинформировали, что установить «место захоронения Байтурсунова А. не представляется возможным» и свидетельство о смерти можно получить в отделе ЗАГС Фрунзенского райисполкома Совета народных депутатов г. Алма-Аты, справку о реабилитации – в Верховном Суде КазССР [10, с. 740].

Позже в этом же году 12 июня 1989 г. Шолпан Байсалова обращается к начальнику КГБ г. Кустанай о предоставлении информации о своей матери Бадрисафе Байтурсуновой. В своем заявлении она писала, что ей удалось собрать сведения и документы отца, однако «о матери никаких документов не имею». Шолпан Байсаловой было известно лишь то, что «она в 1939-1941 гг. жила в г. Кустанае и там была арестована и расстреляна сотрудниками НКВД как жена врага народа Байтурсунова Бадрисафа Мухамед-Садыковна. Есть жители города, которые видели, как двое военных тащили за руку, обвиняя ее как жену врага народа Байтурсунова». Для увековечивания памяти матери она просила: 1) предоставить справку или свидетельство о смерти, где расстреляли ее мать; 2) выслать ее фотокарточки и паспорт, которые были изъяты при аресте; 3) написать, где она была прописана, № дома и улицу [3, с. 741]. В ответ на ее заявление 4 июля 1989 г. приходит шифртелеграмма от Томского УКГБ СССР в КГБ КазССР о пребывании А.Байтурсунова и Б. Байтурсуновой, в которой приведены биографические данные Бадрисафы Байтурсуновой, которая была «выслана как член семьи на 5 лет», однако какие-либо другие сведения отсутствуют [3, с. 742]. Шесть дней спустя 10 июня 1989 г. пришла еще одна шифртелеграмма от Омского КГБ СССР КГБ КазССР об отсутствии сведений по Б.Байтурсуновой (уголовного дела, дела спецпоселенца, сведений об осуждении и смерти) в УКГБ – УВД [3, с. 742]. В 1991 г. Шолпан Байсалова обращается с заявлением о сохранении памяти Ахмета Байтурсунова [10, с. 756].

Внучка Жусупбека Аймаутова, Валентина Аймаутова и его дочь Муза Сахно также обращались в КГБ КазССР с просьбой уточнить сведения о нем. Об этом свидетельствует письмо от 20 ноября 1989 г. Зампреда КГБ КазССР Г. Ф. Смирнова начальнику УКГБ СССР по г. Москве и Московской обл. Н. Е. Челнокову о заявлении В. Е. Аймаутовой, в котором указаны биографические данные, краткая трудовая деятельность, статьи обвинения, приговор. Также в письме сообщается о том, что справку о реабилитации «можно получить в Верховном суде КазССР. Свидетельство о смерти будет выслано отделом ЗАГС исполкома Фрунзенского районного Совета народных депутатов г. Алма-Аты». При этом в письме просят провести беседу с заявительницей [В. Е. Аймаутовой] и сообщить изложенные сведения [10, с. 744].

Спустя год в своем заявлении в Прокуратуру КазССР Муза Сахно от 20 сентября 1990 г. просит: 1) ознакомиться с уголовным делом Ж. Аймаутова; 2) передать ей конфискованные рукописи художественных произведений [3, с. 748]. В ответ 2 октября 1990 г. Муза Сахно получает ответ от КГБ КазССР об отсутствии в деле личных документов и рукописей Ж.Аймаутова. При этом сообщалось, что «ознакомление с делом также нежелательно по этическим мотивам, т.к. может повлечь за собой морально-нравственные издержки, в т.ч. для самого Аймаутова Ж.» [10, с. 748-749].

20 декабря 1989 г. в Политбюро ЦК КПСС, комиссию по рассмотрению дел незаконно репрессированных о реабилитации Аскара Дулатова поступает заявление от Гульнар Дулатовой, в котором она просит рассмотреть дело своего дяди Аскара Дулатовича Дулатова. Там же она пишет, что обращается с просьбой о его реабилитации, «для того чтобы вернуть его доброе и честное имя для его внуков и для меня» [10, с. 745].

В конце 1990 г. Гульнар Дулатова отправляет запрос в КГБ КазССР о выдаче свидетельства о смерти ее отца. 3 января 1991 г. КГБ КазССР направляет этот запрос в МВД Карельской АССР с просьбой о предоставлении документов Мыржакыпа Дулатова [10, с. 749].

14 марта 1990 г. заявление писала Камила Капирова в КГБ КазССР о выдаче справки о реабилитации Шакарима Кудайбердиева, который был расстрелян в 1931 г. в Абаевском р-не Семипалатинской области [10, с. 746].

27 апреля 1991 г. зампреду КГБ КазССР С. К. Абдрахманову поступило заявление от Б.С. Байдильдиной, жены Абдрахмана Байдильдина, о возмещении ущерба. Во время ареста у него были конфискованы: квартира, спальный гарнитур, черный и красный ковры и обширная библиотека. В своем заявлении она просит: 1) исправить его место работы, так как в документах оно указано неправильно; 2) выдать его 2-месячное пособие с учетом современной индексации цен; 3) возратить квартиру в Алма-Ате или желательнее в Караганде; 4) выплатить компенсацию за конфискованное имущество; 5) выдать его печатные произведения; 6) постановить авторский приоритет и выдачу гонораров; 7) выдать справку о его реабилитации [10, с. 752-753]. Через полгода 17 июня 1991 г. в ответ приходит Справка КГБ КазССР о праве на получение пособия Б.С. Байдильдиной, в которой указано: 1) место его работы; 2) заключение Прокуратуры КазССР от 30 ноября 1990 г. о том, что Байдильдин А. полностью реабилитирован; 3) положительное решение о том что Байдильдина Б. С., согласно Постановлению Совета Министров СССР № 1655 от 8 сентября 1955 г., имеет право на получение двухмесячного пособия по месту работы Байдильдина А. до ареста [10, с. 755].

Выводы. Женские письма во власть позволяют рассматривать женщин не только как жертв репрессий, но и как активных участников, использующих письма для взаимодействия с властью. Через письма удастся понять как женщины в конце 1920-х гг. проходили процесс адаптации к репрессивно-карательной системе власти, с которой им придется жить еще несколько десятилетий.

Хронологическая реконструкция показала, что женщины начинали писать письма спустя разное время после арестов: некоторые через пять дней, другие через месяц или год. Поток писем не прекращался, а надежда на освобождение мужей оставалась с ними до последнего. Для построения доверия и достижения цели женщины формировали свой диалог с властями на основе эмоциональных апелляций. Эмоции отражали в первую очередь тяжелейшие экстремальные условия и неподдельный трагизм ситуации, в которых оказались авторы писем.

Женщины писали письма во власть сразу после ареста мужей, надеясь на ошибку следственных органов, и просили освободить их супругов. В своих обращениях к властям женщины пытались добиться освобождения мужей, смягчения их наказаний. Эти письма, наполненные болью и отчаянием, служат свидетельствами о попытках женщин отстоять справедливость в период репрессий. Они содержат личные истории, описания материальных трудностей, проблемы воспитания детей и переживания за судьбы заключённых.

Многие жёны не знали, живы ли их мужья, находятся ли они в заключении или в ссылке. Они писали письма с тем, чтобы выяснить местонахождение арестованных. Отмечались случаи, когда заключённые умирали в больницах во время следствия, но семьи не информировались об этом.

В 1960-х годах женщины продолжали писать письма во власть, требуя реабилитации своих мужей и пытаясь восстановить их честное имя.

В 1980–1990-е годы обращения писали уже не жёны, а их дети и внуки. Они требовали доступа к следственным делам, копий фотографий из архивов, возвращения конфискованного имущества, восстановления конфискованных при аресте паспортов и выдачи свидетельств о смерти. Письма во власть потомки репрессированных пишут до сих пор, большая часть таких писем написана женщинами. Письма дочери Назира Тюрякулова – Анель Назировны Кокошвили-Тюрякуловой во власть частично опубликованы в книге «Нәзірге нәзіл нәзіктік» продолжается до 2003 года [11]. Изучение такой переписки с властью демонстрирует диалог и его эволюцию. В

этот период власть в большей мере активнее реагировала на ходатайства снизу и такие письма часто влияли на решения о реабилитации, восстановлении имущества или предоставлении информации о заключённых.

К сожалению, воспоминаний описывающих процесс написания таких писем очень мало. Гульнар Дулатова в своих мемуарах фрагментарно описывала свои чувства [12], [13], [14].

Таким образом, культура писем в Советском Союзе была многофункциональным феноменом, объединяющим личное и общественное, служившим инструментом выражения индивидуальных голосов. Письма, представляющие собой индивидуальные истории, позволяют реконструировать широкий контекст репрессий. Это включает в себя динамику эмоций, ожидания, надежды и разочарования женщин на протяжении десятилетий.

Индивидуальные женские письма во власть позволяют узнать больше о повседневности, политических и личных эмоциях, экономических проблемах, и уровне доверия к государству. Личные переживания, отражающие в таких письмах делают их уникальным историческим источником на уровне эмоций отдельных людей. А это еще один инструмент, позволяющий вслед за Шейлой Фитцпатрик идти по исследовательскому пути, когда в видении советской повседневности «темы достижений и легитимности были оставлены далеко позади и вышли на поверхность личное страдание и тайны простых людей» [15].

Список использованной литературы:

1. Нерар Ф. К. *Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941)*. – М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с.
2. Khlevniuk O., Budnitsky E. *Letters to Stalin: Practices of Selection and Reaction. Cahiers Du Monde Russe*, 56(2/3), 2015. P. 327–344. URL: <http://www.jstor.org/stable/24567605>
3. Савин А. И. *Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8: История.* – С. 133-145.
4. Furst J. *In Search of Soviet Salvation: Young People Write to the Stalinist Authorities. Contemporary European History*. 15(3), 2006. P. 327-345.
5. *Writing the Stalin era: Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography / edited by Golfo Alexopoulos, Julie Hessler, and Kiril Tomoff. New York: Palgrave Macmillan, 2011.*
6. Fitzpatrick S. *Happiness and Toska: An Essay in the History of Emotions in Pre-war Soviet Russia // Australian Journal of Politics and History: Vol. 50, No. 3, 2004. P. 357-371.*
7. Fitzpatrick S. *Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review, Vol. 55, No. 1, 1996. P. 78-105.*
8. Fitzpatrick S. *Signals from below: Soviet letters of denunciation of the 1930s // The Journal of Modern History* 68 (4), 217, 1996. P. 831-866.
9. *Алашское дело 1920-1930 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / сост. М. К. Койгелдиев (ответ. ред.), З. Б. Мырзатаева, Р.М. Мирзакулова. В 2-х томах.* – Алматы: ТОО Издательство LEM, 2022. Т. 1. – 984 с.
10. *Алашское дело 1920-1930 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / сост. Койгелдиев М. К. (ответ. ред.), З. Б. Мырзатаева, Р.М. Мирзакулова. В 2-х томах.* – Алматы: ТОО Издательство LEM, 2022. Т. 2. – 828 с.
11. Сахабат С. *Нәзірге нәзіл нәзіктік.* – Шымкент, 2006. – 31 б.
12. Дулатова Г. М. *Алаштың сөнбес жұлдыздары: естелік-эссе.* – Алматы: Мектеп, 2010. – 360 б.
13. Дулатова Г. М. *Шындық шырағы (бірінші кітап).* – Алматы: 1998. – 300 б.
14. Дулатова Г. М. *Шындық шырағы (екінші кітап).* – Алматы: 1998. – 365 б.
15. Fitzpatrick S. *Happiness and Toska: An Essay in the History of Emotions in Pre-war Soviet Russia // Australian Journal of Politics and History: Vol. 50, No. 3, 2004. P. 357-371.*

References:

1. Nerar F. K. *Pyat protsentov pravdy. Razoblacheniye i donositelstvo v stalinskom SSSR (1928–1941)*. – М.: ROSSPEN, 2011. 398 p. [in Russian].
2. Khlevniuk O., Budnitsky E. *Letters to Stalin: Practices of Selection and Reaction. Cahiers Du Monde Russe*, 56(2/3), 2015. P. 327–344. URL: <http://www.jstor.org/stable/24567605>
3. Savin A. E. *Pisma vo vlast kak spetsificheskaya forma politicheskoi adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2016. T. 15, № 8: Istoriya. P. 133–145. [in Russian].
4. Furst J. *In Search of Soviet Salvation: Young People Write to the Stalinist Authorities. Contemporary European History*. 15(3), 2006. P. 327-345.
5. *Writing the Stalin era: Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography / edited by Golfo Alexopoulos, Julie Hessler, and Kiril Tomoff*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
6. Fitzpatrick S. *Happiness and Toska: An Essay in the History of Emotions in Pre-war Soviet Russia // Australian Journal of Politics and History: Vol. 50, No. 3, 2004. P. 357-371.*
7. Fitzpatrick S. *Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review, Vol. 55, No. 1, 1996. P. 78-105.*
8. Fitzpatrick S. *Signals from below: Soviet letters of denunciation of the 1930s // The Journal of Modern History* 68 (4), 217, 1996. P. 831-866.
9. *Alashskoye delo 1920-1930 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU / comp. M. K. Koigeldiyev (resp. ed.), Z. B. Myrzatayeva, R. M. Mirzakulova. In two volumes. – Almaty: Publishing house JSC LEM, 2022. V. 1. – 984 p. [in Russian].*
10. *Alashskoye delo 1920-1930 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU / comp. Koigeldiyev M. K. (resp. ed.), Myrzatayeva Z. B., Mirzakulova R. M. In two volumes. – Almaty: Publishing house JSC LEM, 2022. V. 1 – 828 p. [in Russian].*
11. Sahabat S. *Nazirge nazil naziktik. – Shymkent, 2006. – 31 p. [in Kazakh].*
12. Dulatova G. M. *Alashting sonbes zhuldyzdary: memoir-essay. – Almaty: Mektep, 2010. – 360 p. [in Kazakh].*
13. Dulatova G. M. *Shyndyk shyragy (first book). – Almaty: 1998. – 300 p. [in Kazakh].*
14. Dulatova G. M. *Shyndyk shyragy (second book). – Almaty: 1998. – 365 p. [in Kazakh].*
15. Fitzpatrick S. *Happiness and Toska: An Essay in the History of Emotions in Pre-war Soviet Russia // Australian Journal of Politics and History: Vol. 50, No. 3, 2004. P. 357-371.*